

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья
УДК 94(430).044
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-6-1579-1587>

Роль религиозного фактора в имперской консолидации в период правления Леопольда I (1658–1705)

Софья Сергеевна ШЕЛЫШЕЙ

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1
sofya.shelyshey@gmail.com

Актуальность. Проанализировано влияние религиозного и конфессионального факторов на формирование образа врага в немецкой публицистике в период правления Леопольда I. Становление образа врага является неотъемлемой частью процессов формирования национальных идей и национального самосознания. Исследования данной тематики особенно важны при изучении немецкой национальной идеи раннего Нового времени.

Материалы и методы. Основным источником исследования послужили немецкие политические памфлеты последней четверти XVII века из фонда библиотеки герцога Августа (Вольфенбюттель).

Результаты исследования. Важной составляющей образа врага был религиозный аспект. В борьбе с Османской империей обращение к религиозной тематике вытекало из различий вероисповедания, образ врага складывался на основе противопоставления христианского мира иноверцам. Для формирования негативного образа Франции немецкие публицисты обратились к концепции «хороший» и «плохой» христианин. В результате был сформирован негативный образ француза-вероотступника, на основании которого француз был провозглашен также религиозным врагом. Важным аспектом негативных представлений о французах стали обвинения, выдвинутые немецкими публицистами против политики Франции, направленной, по их мнению, на разжигание конфессионального конфликта внутри Империи. Это позволило противопоставить французов представителям всех трех конфессий как общеимперского врага.

Выводы. Австро-турецкие войны и войны против Людовика XIV нашли широкий отклик в немецкой публицистике. Авторы стремились создать всеобъемлющий, не вызывающий сомнений образ врага, функцией которого была внутренняя консолидация германских земель в борьбе с общей опасностью.

Ключевые слова: Леопольд I, войны Людовика XIV, немецкая публицистика, образ врага, Священная Римская империя германской нации

Для цитирования: Шельшей С.С. Роль религиозного фактора в имперской консолидации в период правления Леопольда I (1658–1705) // Вестник Тамбовского университета. Серия:

Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 6. С. 1579-1587. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-6-1579-1587>

FOREIGN COUNTRIES' HISTORY

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-6-1579-1587>

The role of the religious factor in imperial consolidation during the reign of Leopold I (1658–1705)

Sofya S. SHELYSHEY

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
sofya.shelyshey@gmail.com

Importance. The influence of religious and confessional factors on the enemy image formation in German journalism during the reign of Leopold I is analyzed. The enemy image formation is an integral part of the national ideas and national identity formation processes. Research on this topic is especially important when studying the German national idea of the early modern period.

Materials and Methods. The main source of the research is German political pamphlets of the last quarter of the 17th century from the collections of the Herzog August Library (Wolfenbüttel).

Results and Discussion. An important component of the image of the enemy was the religious aspect. In the struggle against the Ottoman Empire, the appeal to religious themes stemmed from differences of religion. The enemy image was formed on the Christian world opposition basis to those of other faiths. To form a negative image of France, German publicists turned to the concept of a “good” and “bad” Christian. As a result, a negative image of the apostate French was formed, on the basis of which the French was also proclaimed a religious enemy. An important aspect of the negative perceptions of the French were the accusations made by German publicists against the policy of France, aimed, in their opinion, at inciting a confessional conflict with in the Empire. This made it possible to oppose the French to representatives of all three faiths as a common imperial enemy.

Conclusion. The Austro-Turkish wars and the wars against Louis XIV found a wide response in German journalism. The authors sought to create a comprehensive, unquestionable image of the enemy, whose function was the internal consolidation of the German lands in the fight against a common danger.

Keywords: Leopold I, the wars of Louis XIV, German journalism, the image of the enemy, Holy Roman Empire of the Germanic nation

For citation: Shelyshey, S.S. (2023). The role of the religious factor in imperial consolidation during the reign of Leopold I (1658–1705). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 6, pp. 1579-1587. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-6-1579-1587>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Во второй половине XVII века в Священной Римской империи германской нации сложилась уникальная конфессиональная ситуация. В то время как во Франции был издан эдикт Фонтенбло 1685 г., следствием которого стало изгнание французских гугенотов, а в Англии в ходе Славной революции 1688 г. была предотвращена политика рекализации Якова II – оба события в современной историографии называют прямым продолжением религиозных войн предыдущей эпохи [1, S. 11-22, 29-32], на территории Империи по итогам Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. был утвержден религиозный мир. Вестфальский мирный договор 1648 г. создал условия для мирного взаимного существования всех трех конфессий на территории Империи вплоть до ее роспуска в 1806 г. На основании таких положений, как равенство в землях Империи между лютеранами, кальвинистами и католиками, право свободного перехода в любую конфессию для имперских чинов, гарантии свободы вероисповедания для религиозных меньшинств в католических и протестантских землях, свободное отправление богослужения католиков и протестантов в районах своего проживания и паритет католического блока и собрания протестантских чинов при обсуждении на рейхстаге вопросов, касавшихся вероисповедания [2, с. 320-322], некоторые авторы рассматривали существование в Империи раннего Нового времени конфессиональной толерантности [3, S. 11-12].

На сегодняшний день это положение не подтверждается ни в правовом поле, ни в общественном [4, S. 83-89; 5; 6]. Вестфальский договор разрешил основные религиозно-политические противоречия, но не устранил конфликтную составляющую. Взаимное недоверие между католиками и протестантами, определявшее политические события XVI – начала XVII века, сохранялось как на политической арене, так и в повседневной жизни. Резкую реакцию вызвал переход в католичество саксонского курфюрста Авгу-

ста Сильного, нарушивший равновесие сил, закрепленное Вестфальским миром. Последовавшее за этим учреждение протестантского Ганноверского курфюршества ярко демонстрирует, как императорская власть, которая пыталась взять на себя роль гаранта религиозного мира, была вынуждена лавировать между двумя партиями: партией католиков и партией протестантов, в которой также не было единства. В наследственных землях Габсбурги, напротив, кардинально отошли от политики конфессиональной толерантности, проводя в официально присоединенной к их владениям в 1687 г. Венгрии политику Контрреформации, что вызывало суровое осуждение в протестантских политических кругах Империи.

Но, несмотря на религиозные противоречия внутри Империи, во внешней политике религия служила объединяющим фактором для немецкого общества. Правление императора Леопольда I пришлось на период восстановления германских земель после политического, экономического и демографического кризиса первой половины XVII века. Несмотря на устоявшееся в историографии мнение о сильных княжествах и слабом центре [7, S. 193], Империя сохраняла свое значение, и основной внешнеполитической задачей Леопольда I стало восстановление утраченных в ходе Тридцатилетней войны позиций на международной арене. Главными факторами, определявшими внешнюю и внутреннюю политику Империи и германских государств в конце XVII – начале XVIII века, были войны с Османской империей и с Францией Людовика XIV. Эти внешнеполитические события получили широкое освещение в немецкой публицистике эпохи Леопольда I.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Немецкая публицистика раннего Нового времени являлась реакцией на злободневные сюжеты и представляла мнение узкого дворянско-бюргерского слоя. Литераторы, как и их читатели, принадлежали к образованным

слоям общества, занимались политической или экономической деятельностью, служили при дворе императора или немецких князей. Зачастую нельзя установить территориальное, социальное или конфессиональное происхождение автора: многие публицисты писали анонимно или использовали псевдонимы.

Одним из важнейших видов публицистического произведения был памфлет. Это многостраничные издания, которые были посвящены широкому спектру общественных проблем. В острой сатирической форме они критиковали политические институты или деятельность определенных лиц, или общественный строй в целом. Специфика данного источника заключается в эмоциональной манере изложения и частом намеренном искажении реальных фактов. Стремясь убедить своих читателей, авторы прибегали к всевозможным литературным средствам и сюжетам, чтобы создать четкие, неоспоримые образы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Войны Людовика XIV и австро-турецкие войны конца XVII – начала XVIII века вызвали острую реакцию в немецкой публицистике [7, S. 216-233; 8-11]. В своих произведениях авторы пытались сплотить германские княжества и склонить имперские чины на совместную борьбу с турками и французами. С этой целью они стремились не только сформировать крайне негативный образ Османской империи и Франции, но и создать всеобъемлющий образ врага, угрожающего будущему имперских земель.

Образ врага – это понятный каждому члену сообщества мыслительный конструкт, собирательный образ, включающий в себя различные негативные характеристики. В теории национализма его формирование – это особое проявление растущей потребности к самосознанию [12, S. 7]. Становление образа врага ведет к определению и усилению чувства общности. Его функция – нести представления о том, что является угрозой самому существованию этой группы. Это

фактор, мобилизующий всех членов сообщества к единству. Речь идет о создании негативного образа внешнего мира, под натиском которого обществу необходимо консолидироваться.

С образом врага всегда переключалась религиозная тематика. Религиозный враг был наиболее укорененным и понятным образом. Он формировался на ярком противопоставлении «своих» и «чужих». В сфере религии существовала однозначная фигура врага – дьявола, врага рода человеческого. Поэтому все «чужое» – иноверцы, еретики, грешники, ассоциировалось с дьявольским и автоматически переходило в разряд «врага», угрожавшего самому существованию сообщества.

Решающее значение обращение к религии имело в борьбе с Османской империей. Образ турок как врагов христианского мира присутствовал в немецкой публицистике с середины XV века, основой для его формирования стало падение Константинополя в 1453 г. [13, S. 300]. Необходимость и значимость войны против этого традиционного «наследственного врага» [14, S. 122; 15, с. 135-137], «врага имени и крови христиан»¹, не поддавались сомнению. Турки, принадлежавшие иной, нехристианской вере, являлись общим врагом, как для католиков, так и для протестантов, и любой, имевший с ними контакты, подвергался осуждению, как предатель своей веры и всего христианского мира.

Совершенно иным уникальным примером осмысления религиозного фактора в формировании образа врага стал образ врага-француза, который в конце XVII века вышел на первый план, отеснив традиционный образ врага-турка. Если после Тридцатилетней войны многие католические и антигабсбургски настроенные имперские чины предпочитали ориентироваться именно на Францию, которая выступала гарантом Вестфальского мира, то в последней четверти XVII века профранцузские настроения сменились резкой франкофобией, что нашло отражение на

¹ Teutschlandes Politischer Fliegen-Wedel wider die Französische Mucken. 1689. Vol. 1. S. 10.

страницах немецкой публицистики [7, S. 217; 16, S. 75]. Во время Голландской войны 1672–1678 гг., войны за Пфальцское наследство 1688–1697 гг. и войны за Испанское наследство 1701–1714 гг. было издано огромное количество произведений, нацеленных на обличение Франции и ее злодеяний. Дискредитации подверглись как бесчестная политика и преступные военные действия, так и развращенные нравы.

Принципиальная разница между врагом-турком и врагом-французом заключалась в том, что французы были единоверцами, они принадлежали к христианской вере. Более того, по результатам Тридцатилетней войны и Франко-испанской войны 1635–1659 гг. Франция стала ведущим католическим государством на континенте, потеснив испанских Габсбургов. Однако это не помешало немецким публицистам прибегнуть к традиционному образу религиозного врага в формировании негативных представлений о французах. Авторы обратились к понятиям «хороший» и «плохой» христианин. Главную роль в образе врага-француза играли не вопросы вероисповедания, а французская религиозность.

Центральным сюжетом в немецкой публицистике стали французские «нехристианские порочные и постыдные злодеяния» [17, S. 59]. Особое распространение получил мотив того, что французы, нарушив «мир и спокойствие всего христианского мира» [17, S. 65], «проливают кровь христиан» [17, S. 67] и «грабят храмы и церкви всех конфессий» [17, S. 51]. Французы представлялись отступниками от христианской веры, которые «на их проклятой убийственной войне совсем одичали и забыли весь страх перед Богом» [17, S. 52], богохульствуют и грозятся выступить против него [17, S. 52]. Обличая военные и нравственные преступления французов, литераторы подчеркивали, что подобное поведение невозможно для праведных христиан.

Образ «плохих христиан» позволил немецким публицистам в своих сочинениях отойти от собственных конфессиональных разногласий внутри Империи. Широкий ре-

зонанс, который получили войны Людовика XIV, появление множества публикаций антифранцузской направленности, а также различное вероисповедание авторов, чье конфессиональное происхождение удалось установить, позволяют утверждать, что против Франции выступили представители всех трех конфессий. Перед лицом общего врага на первый план в немецких памфлетах выходят общеимперские и даже национальные мотивы [7, S. 155; 18, S. 217]. Публицисты доказывали, что Франция «не ищет ничего иного, как только падения Германии, <...> и стремится привести нас под французское ослиное ярмо и рабство» [17, S. 71]. Таким образом, Франция представлялась как опасность для всей Империи и для каждого немца, независимо от его веры. Авторы призывали закончить религиозные разногласия и объединиться в совместной борьбе против французов.

Вместе с тем немецкие публицисты не игнорировали наличие конфессионального раскола. Это нашло выражение в сюжете о французской дипломатии. В соответствии с Вестфальским миром каждое немецкое княжество могло осуществлять собственную внешнюю политику. Данным обстоятельством активно пользовался Людовик XIV, который стремился найти новых союзников и сколотить внутри Империи оппозицию против императора. Наибольшей прочностью и долговечностью отличался союз Франции с баварскими Виттельсбахами [19, S. 149]. Однако помимо католических князей Франция искала союзников также и среди протестантских княжеств, к примеру в Голландскую войну на французскую сторону из финансовых соображений перешло курфюршество Бранденбург [7, S. 218].

В активной французской дипломатии немецкие публицисты видели угрозу и препятствие для «союза и единства князей»² и

² *Hosmann G.* Der abgezogene frantzösische Staats-Rock und teutsche Schutzmantel Das ist der bißhero der gantzen Welt verkauffte, nunmehr aber redlich entlarvte Frantzösische Blaue Dunst und Deß fast schwachscheinenden Deutschlands-Erhaltungs-Kunst von Anonymo Wahr-mund. 1675. Bl. E4 v.

стремление ослабить Империю изнутри: «Французы узнали из истории, что немцы – непобедимый народ, так из-за их природной храбрости и большой силы их нельзя подвести под ярмо, поэтому они должны сами друга друга уничтожить»³. С этой целью, по мнению авторов, Франция стремилась усилить конфессиональные разногласия. В немецких памфлетах отчетливо прослеживается мысль, что именно из-за Франции в Империи сохраняется «взаимное недоверие между католиками и протестантами»⁴.

Одним из показательных сочинений, отражающим эти тенденции, является памфлет 1689 г. «Раскрытие коварных трюков, какими французы собираются натравить друг на друга католические и протестантские сословия, чтобы, разделив их, они могли, наконец, править единолично и удерживать первенство и превосходство во всей Европе»⁵. Автор памфлета не установлен. По его псевдониму «Синкоро Католико», «искренний католик», можно предположить, что автор католического вероисповедания. Однако следует заметить, что текст представляет собой критические размышления как с точки зрения католиков, так и протестантов; нельзя утверждать, что автор отдает предпочтение одной из сторон или строже судит другую.

Как следует уже из названия, памфлет посвящен суровому порицанию французской политики, направленной на разжигание вражды между католиками и протестантами внутри Империи и в Европе. Сочинение было

издано вскоре после начала войны за Пфальцское наследство. Автор анализирует сложившуюся внешнеполитическую ситуацию с точки зрения религиозных противоречий. Особое внимание автор уделяет Славной революции, подвергая сомнению возможность католической реставрации в Англии⁶. Английские религиозные волнения он называет следствием французской политики, направленной на то, чтобы «оставлять Англию в постоянном смятении»⁷, поддерживая английских католиков. Среди прочего сочинитель также обличает французские намерения влиять на политику папы Римского, заставить того поддержать французов в стремлении объединить всех католических правителей под эгидой Франции и выступить посредником между императором и Людовиком XIV на стороне последнего, чтобы Франция получила все, чего желает⁸.

С точки зрения внутриимперской политики наиболее важными представляются замечания, что Франция, желая усилить существующее недоверие между конфессиями, утверждает, что как католики, так и протестанты стремятся заключить конфессиональные союзы: «Четвертый трюк французов заключается в разделении умов католиков и протестантов, желая сделать их подозрительными друг к другу, с пустым необоснованным утверждением, что то один, то другой могут стать сильнее и таким образом легко подавить друг друга. <...>, распространяя то здесь, то там слухи, что протестанты заключили между собой союз для подавления католической религии»⁹. Сюжеты о формировании союзов протестантов и католиков отсылали читателей к катастрофе первой половины XVII века, к Тридцатилетней войне, в начале которой большую роль сыграли образованные незадолго до нее Протестантская уния 1608 г. и Католическая лига 1609 г. В немецкой публицистике конца XVII века отчетливо звучит страх перед повторе-

³ *Hosmann G.* Der abgezogene frantzösische Staats-Rock und teutsche Schutzmantel Das ist der bißhero der gantzen Welt verkauffte, nunmehr aber redlich entlarvte Frantzösische Blaue Dunst und Deß fast schwachscheinenden Deutschlands-Erhaltungskunst von Anonymo Wahr-mund. 1675. Bl. B3 v.

⁴ *Ibid.* Bl. G1 v.

⁵ *Sincero Catholico.* Entdeckung Der listigen Kunst-Stücke Womit Die Frantzosen die Catholische und Protestirende Stände an einander zu hetzen gedeencken / auff daß Siedurchihre Trennung endlich alleine herrschen / und in gantz Europa die Meisterschafft und Oberhand behalten mögen. Denen Zu Regenspurg durch des Henckers Hand verbranten Briefen eines so genannten Lüttichschen von Adels / [et]c. entgegengesetzt; Im Monat Martiodes MDCLXXXIX. Jahrs. 1689. 32 S.

⁶ *Ibid.* S. 8.

⁷ *Ibid.* S. 11.

⁸ *Ibid.* S. 10.

⁹ *Ibid.* S. 13.

нием Тридцатилетней войны. На этой почве французские провокации воспринимались крайне негативно.

В результате именно Франция в представлении немецких публицистов становилась причиной внутренних конфессиональных разногласий, виновником в разжигании внутриимперского религиозного конфликта. Это обвинение также возводило Францию в разряд общеимперского и общенемецкого врага, она превращалась в равнозначного врага как для протестантов, так и для католиков.

ВЫВОДЫ

В период правления Леопольда I конфессиональные разногласия продолжали играть важную роль во внешней и внутренней политике Империи. Особый взгляд на роль религиозных и конфессиональных факторов в общественном сознании предлагает немецкая публицистика конца XVII века. В произведениях этого периода под влиянием таких внешнеполитических факторов, как австро-турецкие войны и войны против Людовика

XIV, формируется образ врага, под натиском которого обществу необходимо объединиться. Одним из главнейших аспектов этого образа была религия, которая всегда являлась важным фактором внутренней консолидации. В немецкой публицистике эпохи Леопольда I эта функция религии проявила себя особенно отчетливо. В борьбе с Османской империей обращение к религиозной тематике вытекало из различий вероисповедания. Образ врага складывался на основе противопоставления христианского мира иноверцам. В случае с Францией немецкие публицисты обратились к концепции «хороший» и «плохой» христианин. В результате удалось не только сформировать негативный образ француза-вероотступника, но и противопоставить французов представителям всех трех конфессий. Анализируя политику Франции с позиций внутриимперского религиозного раскола, немецкие публицисты обвинили ее в разжигании в германских землях конфессионального конфликта. Это позволило уйти от конфессионального фактора и автоматически превратило Францию в общеимперского врага.

Список источников

1. *Mühling Ch.* Die europäische Debatte über den Religionskrieg (1679–1714). Konfessionale Memoria und internationale Politik im Zeitalter Ludwigs XIV. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018. 587 S. <https://doi.org/10.11588/frrec.2018.4.57467>
2. *Прокопьев А.Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002. 384 с. <https://elibrary.ru/uukvtj>
3. *Luh J.* Unheiliges Römisches Reich: Der konfessionelle Gegensatz 1648 bis 1806. Potsdam: Verl. für Berlin-Brandenburg, 1995. 226 S.
4. *Vierhaus R.* Deutschland im Zeitalter des Absolutismus : (1648–1763). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1984. 234 S.
5. *Stievermann D.* Politik und Konfession im 18. Jahrhundert // Zeitschrift für Historische Forschung. 1991. Vol. 18. № 2. S. 177–199.
6. *Haug-Moritz G.* Kaisertum und Parität: Reichs politik und Konfessionen nach dem Westfälischen Frieden // Zeitschrift für Historische Forschung. 1992. Vol. 19. № 4. S. 445–482.
7. *Schmidt G.* Geschichte des alten Reiches: Staat und Nation in der Frühen Neuzeit, 1495–1806. München, 1999. 459 S.
8. *Bosbach F.* Eine französische Universal monarchie? Deutsche Reaktionen auf die europäische Politik Ludwigs XIV // Médiations / Vermittlungen. Aspekte der deutsch-französischen Beziehungen vom XVII. Jahrhundert bis zur Gegenwart / Hrsg. von M. Grunewald, J. Schlobach. Bern, 1992. S. 53–68.
9. *Schillinger J.* Les pamphlétaires allemands et la France de Louis XIV. Bern, 1999. 720 S.

10. Schillinger J. Franzosen und Türken in deutschen Flugschriften des XVII. Jahrhunderts // Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit / Hrsg. von W. Harms. Basel, 2002. S. 169-187.
11. Wrede M. Das Reich und seine Feinde: Politische Feindbilder in der reichspatriotischen Publizistik zwischen Westfälischem Frieden und Siebenjährigem Krieg. Mainz, 2004. 669 S.
12. Pelinka A. Feindbilder – Einführung in das Thema // Feindbilder in Europa: Analysen und Perspektiven. Wien, 2008. S. 1-11.
13. Konstantinović Z. “Tirkoder Griech”: Zur Kontamination ihrer Epitheta // Europäischer Völkerspiegel: Imagologisch-ethnographische Studien zu den Völkertafeln des frühen XVIII. Jahrhunderts / Hrsg. von F.K. Stanzel. Heidelberg, 1999. S. 299-314.
14. Bosbach F. Der französische Erbfeind. Zu einem deutschen Feindbild im Zeitalter Ludwigs XIV // Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der 14 politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit / Hrsg. von F. Bosbach. Köln: Böhlau, 1992. S. 117-139.
15. Шельштей С.С. Образ «наследственного врага» в немецкой публицистике раннего Нового времени // Средние века. 2021. Т. 82. № 3. С. 131-153. <https://doi.org/10.7868/S0131878021030077>, <https://elibrary.ru/wyostw>
16. Wrede M. Der Kontinent der Erbfeinde. Deutsche und europäische Feindbilder der Frühen Neuzeit zwischen Säkularisierung und Sakralität // Auf dem Weg nach Europa: Deutungen, Visionen, Wirklichkeiten. Göttingen, 2010. S. 55-78. <https://doi.org/10.13109/9783666100956.55>
17. Anonym. Französische Soldaten-Teufel: Beschrieben und Auff den Schauplatz Teutschlandes auffgeführt und vorgestellt Von M.S.Z. Einen alten Teutschen aufrichtigen Patrioten. 1677. 62 S.
18. Whaley J. Kulturelle Toleranz – die deutsche Nation im europäischen Vergleich // Die deutsche Nation im frühneuzeitlichen Europa. Politische Ordnung und kulturelle Identität? / Hrsg. von G. Schmidt, E. Müller-Luckner. München: R. Oldenbourg Verlag, 2010. S. 201-224. <https://doi.org/10.1515/9783110446715>
19. Schilling H. Höfe und Allianzen: Deutschland 1648–1763. B., 1989. 542 S.

References

1. Mühling Ch. (2018). *Die europäische Debatte über den Religionskrieg (1679–1714). Konfessionale Memoria und internationale Politik im Zeitalter Ludwigs XIV.* Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 587 S. (In Ger.) <https://doi.org/10.11588/frrec.2018.4.57467>
2. Prokop'ev A.Yu. (2002). *Germaniya v epokhu religioznogo raskola. 1555–1648* [Germany in the Era of Religious Schism. 1555–1648]. St. Petersburg, Publishing Center “Humanitarian Academy”, 384 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uukvtj>
3. Luh J. (1995). *Unheiliges Römisches Reich: Der konfessionelle Gegensatz 1648 bis 1806.* Potsdam, Verl. für Berlin-Brandenburg, 226 S. (In Ger.)
4. Vierhaus R. (1984). *Deutschland im Zeitalter des Absolutismus: (1648–1763).* Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 234 S. (In Ger.)
5. Stievermann D. (1991). Politik und Konfession im 18. Jahrhundert. *Zeitschrift für Historische Forschung*, Vol. 18, Nr. 2, S. 177-199. (In Ger.)
6. Haug-Moritz G. (1992). Kaisertum und Parität: Reichspolitik und Konfessionen nach dem Westfälischen Frieden. *Zeitschrift für Historische Forschung*, Vol. 19, Nr. 4, S. 445-482. (In Ger.)
7. Schmidt G. (1999). *Geschichte des alten Reiches: Staat und Nation in der Frühen Neuzeit, 1495–1806.* München, 459 S. (In Ger.)
8. Bosbach F. (1992). Eine französische Universalmonarchie? Deutsche Reaktionen auf die europäische Politik Ludwigs XIV. In: Grunewald M., Schlobach J. (Hg.). *Médiations / Vermittlungen. Aspekte der deutsch-französischen Beziehungen vom XVII. Jahrhundert bis zur Gegenwart.* Bern, S. 53-68. (In Ger.)
9. Schillinger J. (1999). *Les pamphlétaires allemands et la France de Louis XIV.* Bern, 720 S. (In Fra.)
10. Schillinger J. (2002). Franzosen und Türken in deutschen Flugschriften des XVII. Jahrhunderts. In: Harms W. (Hg.). *Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit.* Basel, S. 169-187. (In Ger.)
11. Wrede M. (2004). *Das Reich und seine Feinde: Politische Feindbilder in der reichspatriotischen Publizistik zwischen Westfälischem Frieden und Siebenjährigem Krieg.* Mainz, 669 S. (In Ger.)

12. Pelinka A. (2008). Feindbilder – Einführung in das Thema. *Feindbilder in Europa Analysen und Perspektiven*. Wien, S. 1-11. (In Ger.)
13. Konstantinović Z. (1999). “Tirk oder Griech”: Zur Kontamination ihrer Epitheta. In: Stanzel F.K. (Hg.). *Europäischer Völkerspiegel: Imagologisch-ethnographische Studien zu den Völkertafeln des frühen XVIII. Jahrhunderts*. Heidelberg, S. 299-314. (In Ger.)
14. Bosbach F. (1992). Der französische Erbfeind. Zu einem deutschen Feindbild im Zeitalter Ludwigs XIV. In: Bosbach F. (Hg.). *Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der 14 politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit*. Köln, Böhlau, S. 117-139. (In Ger.)
15. Shelyshey S. (2021). The image of the “hereditary enemy” in the German journalism of the early modern period. *Srednie veka* [Middle Ages], vol. 82, no. 3, pp. 131-153. <https://doi.org/10.7868/S0131878021030077>, <https://elibrary.ru/wyostw> (In Russ.)
16. Wrede M. (2010). Der Kontinent der Erbfeinde. Deutsche und europäische Feindbilder der Frühen Neuzeit zwischen Säkularisierung und Sakralität. In: *Auf dem Weg nach Europa: Deutungen, Visionen, Wirklichkeiten*. Göttingen, S. 55-78. (In Ger.) <https://doi.org/10.13109/9783666100956.55>
17. Anonym. (1677). *Frantzösischer Soldaten-Teufel: Beschrieben und Auff den Schauplatz Teutschlandes aufgeführet und vorgestellet Von M.S.Z. Einen alten Teutschen aufrichtigen Patrioten*. 62 S. (In Ger.)
18. Whaley J. (2010). Kulturelle Toleranz – die deutsche Nation im europäischen Vergleich. In: Schmidt G., Müller-Luckner E. (Hg.). *Die deutsche Nation im frühneuzeitlichen Europa. Politische Ordnung und kulturelle Identität?* München, R. Oldenbourg Verlag, S. 201-224. (In Ger.) <https://doi.org/10.1515/9783110446715>
19. Schilling H. (1989). *Höfe und Allianzen: Deutschland 1648–1763*. Berlin, 542 S. (In Ger.)

Информация об авторе

Шельшей Софья Сергеевна, преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.
<https://orcid.org/0000-0001-7756-1840>
ResearcherID: GXZ-8928-2022
sofya.shelyshey@gmail.com

Поступила в редакцию 03.08.2023
Одобрена после рецензирования 14.11.2023
Принята к публикации 22.11.2023

Information about the author

Sofya S. Shelyshey, Lecturer of Foreign Languages Department of History Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
<https://orcid.org/0000-0001-7756-1840>
ResearcherID: GXZ-8928-2022
sofya.shelyshey@gmail.com

Received 03.08.2023
Approved 14.11.2023
Accepted 22.11.2023